

Юлия Сливина, поэт, публицист, филолог, психолог.

Родом из Ленинска-Кузнецкого Кемеровской области. Работала журналистом на местном телевидении «Ленинск-ТВ» и в газете «Наша Знаменка». Имеет публикации в толстых литературных журналах «Огни Кузбасса», «Русское эхо», «Тобол», печаталась в «Литературной газете». Автор двух книг стихотворений «Кормиться черемухой рифм» и «Неестественный отбор». Член союза писателей России с 2013 года. В настоящее время живет и работает в Новосибирске.

Юлия Сливина г. Новосибирск

Фантом крыто. Фатум крыши.
Карта крыши бита в хлам.
И Гавроши, и Гармаши
Богу, в общем, пополам.
Пополам ему вот это:
Небо, крыши и земля.
Вербы ветка. Верю в гетто
До последнего рубля.
Не крестись на перекрёстке –
Храму здесь нельзя цвести.
Эти цацы бирюлёвские –
Ситцем, разве что, спасти?
Не гляди в меня, как в Библию...
Скрежет скверны, скрежет стуж.
Если даже солнце стибрили
У адептов летних луж,

Значит, стибрят остальное.
Мы ещё смогли урвать
Полевое, отставное,
Замогильное «ура»!

Ничего такого не будет.
Капля крови у дымного рта.
И любимая вдруг – и разлюбит.
И возьмёт да померкнет мечта.
И потухнет совсем костерочек,
Даже самые крошки его.
Это будет. Так будет, дружочек,
Что не будет совсем ничего.
Мы не первые в Лету канем.
В Лету – камнем. И не скорбя,
Я тебя не покину, пока не
Пока не покину тебя.

**Евгении Королевой,
моей безвременно
ушедшей подруге**

Смотри ласковой, болтай ногами.
А всё, что после случилось с нами,
Это просто вечное таянье
Ледников Бога.
Нас немного. Теперь немного.
Я застыну у твоего порога.
Там, где с тобой окликается рощица,
Кусочек меня навсегда отколется.
Гляди веселее, не дуй губы.
А эти облака – они однолюбы.
Они навсегда будут над нами
Смотреть веселей и болтать ногами.

Душу свою всю перелопатила.
Лучше б тебя я по голове гладила.
А ты вот себе ладью наладила,
Словно жизнь не твоя, а краденая.
Настанет мой черед обнимфиться.
Тогда-то с тобою мы и обнимемся.
Расплачусь я от тоски и жалости.
Но ты меня не торопи, пожалуйста.

Ты о чём молчишь, ребенок?
Глаз пустых невинна гладь.
Хату вскрыли. Душу вскрыли.
Больше нечего вскрывать.
По коленям шарил. Это
Даже лучше, чем в раю.
Всех пророков переплюнул –
Я
тебя
переплюю.
НарезАл, что было силы.
Не нарезал. Спи, дурак.
Просто «Вите надо выйти».
Как-то так.

Нараспев напели чёй-то,
Нагорланили чего.
Это чуйка. Это чёлка.
Это чеботы червовые.
На ладони – света россыпь.
Камни, камешки. Клянись,
Мы с тобой не будем порознь
Праздновать вот эту жизнь.
Камни, камешки, каменья –
Всё ворованное. Вот

Я присяду на колени
У молчанья твоего.
На колени, как предгорья –
На дорожку так сидят.
Это горе, горе... Горе!
Ну какой же ты солдат?..

Горячий лоб прижму к холодному окну.
Я горяшка с тобой ещё хлебну.
Пусть не теперь, но поступью отца
Напомнишь мне: не пить воды с лица.
Он по всему узнается. И есть
Какая-то таинственная месть
В том, что я говорю: «Люблю. Люблю!»,
А поутру твоё брюшко вспорю.
Брюшко твоё, как брюхо у сома.
Лежи, родной. Я всё – сама, сама.

Уезжай

На мосту снуют любители,
Двигутся профессионалы.
Я представила. Представила
Декабря сквозной анапест.
Вязь арабскую решёток,
Сквозь которую – вода.
Крайне важное в ней что-то
Растворилось навсегда.
Эти волосы утопленниц
С зеленью и жемчугами
Были в грязь жестоко втоптаны
Кирзовыми сапогами.
Вспомню, всё сегодня вспомню:
Снег, летящий мне в лицо,
Тоненький ледок на Троицком,

Мышью шмыгнувший возок.
Чей глазок неспящий там
За тяжёлыми за завесями?
Он тебя, конечно, сдал,
Сдал из зависти.
Сына за руку держу.
На свою судьбу не жалуясь.
Уезжай же, не дежурь.
Уезжай, пожалуйста...

Помер...

Помер. Звучит буднично,
Как булочка или парадный подъезд.
Буднично, словно булочка,
Которую питерец съест.
Как петроградец в своем парадном
Томит десятки важных лиц.
Буднично, как клецки в кастрюле,
Если они удались.
Здравствуйте. Помер. В самом начале – хлоп!
Будет какой-то выхлоп, покуда холоп,
Пока диверсант? И устроил такой погром –
Тело своё сдал на металлолом.
Запросто сгрузят в ящики,
Потащат, уложат в ямы.
Запросто.
Господи, как же малы мы.

Когда грабили церковь,
Тихо было на земле.
На мойке вода достигла
Отметки четырёх метров.
Вспенилась и упала толща воды,

Как мешок с трупом.
Атланты закурили и отпустили –
Мир оглушительно рухнул
В день, когда грабили церковь.

На Сенной у Апраксиного моста
Заливает мощеную улицу.
Чем мощеную? Поцелуями,
Слезами, объятьями, куревом
Напоследок. Перед смертью
Последнюю, ведь ты не сволочь,
А, начальник? Мои сапоги примерить
Ты не прочь... Подойдут. Всегда подходили
Вот таким хорошим людям, как ты,
Эти снятые. Эти смятые. Пятидесятые.
Обязательно передам
От тебя привет твоей матери.

Ты молитву покаянную
Не проси у карих глаз.
Запропали, в речку канули
Покаянья все за раз.
Я, испитая до доньшка,
Не наполнюсь никогда.
Поднимается не кровушка –
В жилах
 чёрная
 вода.

Пусть снесёт мольбы любые,
Обесценит до ноля.
Лишь бы только жили – были.
Жили-были. Тру-ля-ля.

В плену резных перил

Там, в плену резных перил,

Ты меня развеселил.

Там, в краю беды и слёз

Беды ты мои разнёс

В крошки, в щепочки, в труху,

В мелкомольную муку.

Ты сказал: «Решай сама!».

А потом сошёл с ума.

Как с земли, с него сошел.

- Как же так, - кричу, - за что?

Не ответит мне Нева

На безумные слова.

Тянут-тянут-тянут труп:

Кто-то, как картошка в супе.

Кто-то сгинул, запропал,

В плен резных перил попал...

Там, в плену резных перил,

Ты меня развеселил.